

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРАЛИЗМЕ

(Две концепции грамматики в Пражском лингвистическом кружке)

Труды И. В. Сталина по языкознанию нанесли сокрушительный удар по всем идеалистическим и вульгаризаторским антимарксистским концепциям в науке о языке. И. В. Сталин не только разоблачил ненаучную, антимарксистскую теорию Н. Я. Марра, но и создал стройную систему марксистского языкознания.

Внедрение марксизма в языкознание органически связано борьбой против остатков старых лингвистических воззрений. При этом первостепенное значение имеет критика зарубежного языкознания, находящегося в плену реакционной идеологии и часто фактически служащего ей. И. В. Сталин учит, что «без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами»¹. А. А. Жданов говорил, что «современная буржуазная наука снабжает попущину, фидеизм новой аргументацией, которую необходимо беспощадно разоблачать»².

Глубокие экономические и политические преобразования, осуществленные в странах народной демократии, привели к идеологической и организационной перестройке также и языковедческой работы. После выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания перед языковедами стран народной демократии со всей остротой встала задача внедрения марксизма в языкознание и борьбы с пережитками немарксистских лингвистических концепций.

«Новое учение» о языке препятствовало не только разработке марксистского языкознания, но и тормозило критику реакционных буржуазных направлений в лингвистике; некоторые положения учения Марра по существу совпадали с установками буржуазного зарубежного языкознания, а иногда просто заимствовались с Запада.

Наиболее распространенным направлением в зарубежном языкознании последних десятилетий является так называемая структуральная лингвистика, представленная в настоящее время лингвистическими обществами в Дании (Копенгаген), в Швейцарии (Женева) и в Америке (Нью-Йорк); до недавнего времени подобным организационным центром являлся и Пражский лингвистический кружок; в других странах, например в Польше, Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии, Японии, Франции и некоторых других, многие языковеды относились или относятся к принципам структуральной лингвистики сочувственно.

Научная критика структурализма тем более необходима, что и в советском языкознании можно найти случаи, правда единичные, влияния структуральной методологии. К сожалению, у нас еще мало работ, посвященных раскрытию научной несостоятельности структуральной лингвистики (серьезные критические замечания содержатся лишь в трудах, развивающих основные положения сталинского учения о языке, прежде всего в работах акад. В. В. Виноградова и проф. А. С. Чикобава и нескольких статьях, посвященных разбору структуральной теории)³. В настоящей статье нами кратко охарактеризована история возникновения Пражского лингвистического кружка (ПЛК), а подробнее мы останавливаемся на двух попытках членов этого кружка создать теорию грамматики.

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1952, стр. 307.

² А. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г., Госполитиздат, 1953, стр. 30.

³ См. статью О. С. Ахмановой «Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания», «Вопросы языкознания», М., 1953, № 3, стр. 25—47.

Современное буржуазное языкознание (и, в частности, структуральная лингвистика) в своих основных положениях оформилось как реакция на господствовавшие с 70-х годов XIX в. позитивистские воззрения младограмматиков, но отход от их теории, обусловленный всем общественным развитием, был длительным и сложным; преодоление младограмматических взглядов не везде совершалось одинаково и во многом зависело от местной языковедческой традиции (ср., например, французскую «социологическую» школу, которая во многом зависит от младограмматизма, и немецкую идеалистическую неофилологию Фосслера); известную роль сыграли при этом и ранние критики младограмматизма (например, Г. Шухардт). Понимание языка как «социального факта», с одной стороны, и психологизм — с другой, направленные против эмпиризма младограмматиков, во многом подготовили почву для структурального языкознания (ср., например, интерес к соотношению слова и обозначаемого предмета, усиленное внимание к изменениям в семантике). Тяготение к общим проблемам языкознания становится характерной чертой лингвистической науки.

Если и раньше можно было встретить критику младограмматических положений, то с начала XX в. критические голоса раздаются все чаще и чаще, что особенно ярко проявилось на I Международном съезде лингвистов в 1928 г. На съезде выяснилось также, что в различных странах независимо друг от друга возникают близкие идеи⁴, которые роднит между собой недоверчивое отношение к фонетическим законам и действию аналогии, т. е. к основным положениям теории младограмматиков, стремление к целостному пониманию языка (в отличие от младограмматического атомизма)⁵, ослабление интереса к историзму и к решению генетических вопросов. Не удивительно поэтому, что при формировании структуральной лингвистики в особое течение большую роль сыграл своими лекциями по общему языкознанию Ф. де Соссюр.

В «Курсе общей лингвистики»⁶ Ф. де Соссюр сформулировал ряд основных положений своей лингвистической концепции, в частности метафизическое противопоставление языка как индивидуальной системы (*langue*) отдельному конкретному использованию (*parole*), положение о знаковом характере языковых средств и о языковой системе (структуре), как системе взаимосвязанных и взаимообусловленных знаков, с чем связано утверждение де Соссюра, что «в лингвистической системе существуют только отношения» и что «язык является формой, а не субстанцией». Синхронный разрез языка, показывающий систему сосуществующих элементов (подчеркивается именно исследование в плане синхронии), противопоставляется им разрезу диахронному, фиксирующему отдельные изменения в процессе развития языка, которые происходят якобы случайно, тем самым нарушают структурные связи в системе и приводят систему в движение, которое и восстанавливает ее равновесие. Только ряд синхронных разрезов может дать представление о развитии языка.

Соссюрианская система во многих пунктах внутренне противоречива. Это находит выражение в том, что не все сторонники структуральной лингвистики подчеркивают одни и те же ее положения и не все толкуют их одинаково. Поэтому, несмотря на всю близость к идеалистической концепции де Соссюра, построения современной структуральной лингвистической теории с нею не тождественны.

И. А. Бодуэн де Куртене ввел в языкознание принцип функциональности, т. е. принцип, согласно которому следует рассматривать и оценивать языковые средства с точки зрения выполняемых ими задач (функций). В области фонетики функциональный принцип привел к появлению понятия фонемы. Искаженное понимание этого принципа часто можно встретить в работах структуралистов. Но не во всех разделах науки о языке этот принцип применялся в одинаковой степени и не все лингвисты оценивали его одинаково⁷.

Стремление реакционной буржуазии оторвать научное исследование от действительности, увести его от общественной жизни, чтобы превратить науку в послушное орудие для достижения классовых целей, проявляется и в языкознании. Возникновение Пражского лингвистического кружка во времени совпадает с периодом победы буржуазии над рабочим движением Чехословакии. Пролетариат собирал тогда свои силы для нового натиска на буржуазию⁸. Борьба против «голового эмпиризма» (характерного прежде всего для позитивистских направлений в науке) и стремление подве-

⁴ См. V. Mathesius, Ziele und Aufgaben der vergleichenden Phonologie, сб. «Xenia Pragensia», Prague, 1929, стр. 432.

⁵ Взаимосвязь языковых явлений признавалась, в общем, всегда, но практика лингвистической работы не благоприятствовала познанию целостного (системного) характера языка.

⁶ F. de Saussure, Cours de linguistique générale, Paris, 1922 (русск. перевод: Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., Соцэкгиз, 1933).

⁷ Cp. V. Skalička, Kodaňský strukturalismus a «pražská škola», «Slovo a slovesnost», R. XI, č. 3, Praha, 1948.

⁸ Cp. P. Sgall, Stalinovy práce o jazykovědě a pražský linguistický strukturalismus, «Tvorba», R. XX, č. 28, Praha, 1951, стр. 674.

сти «прочную философскую базу»⁹ под лингвистическое исследование поэтому служили ширмой для протаскивания в языкознание чуждых науке истрепанных идеалистических идей. Об этом свидетельствует, например, принятие Р. Якобсоном и В. Брёндалем феноменологии Гуссерля (имеющей своим предметом анализ явлений «чистого» сознания в их отношении к «идеальным» объектам) и проповедь логицизма (логического позитивизма) у различных авторов¹⁰. О характере аргументации этих лингвистов и философов можно судить по словам Л. Ельмслева (в одной из его последних статей), которые он приводит в связи с пропагандой глоссематики, «чистой» лингвистики отношений (в отличие от «традиционной» лингвистики): «... надеюсь, что я не ошибаюсь, говоря, что физическая теория сама по себе не высказывается никогда о субстанции или материи, кроме как в критическом духе»¹¹. Далее, в вводной статье журнала «Slovo a slovesnost» подчеркивается, что «вся действительность, начиная с ощущения и кончая наиболее абстрактной мыслительной конструкцией, раскрылась перед современным человеком как необъятное, сложно организованное царство знаков»¹². Этому выводу способствовало «создание» особой науки — семиологии (науки о системах знаков, одной из которых является, по структуральной теории, и язык, наряду, например, с системой световых сигналов, употребляемых при уличном движении).

Многие честные ученые, примкнувшие к структурализму, иногда и не подозревали об идеалистической, вредной философской подоплеке структуральной теории; их убавкивали разговоры о социальной природе языка, о его социальном расслоении, их привлекали мнимая диалектичность устанавливаемых в языковой системе противопоставлений и расширение лингвистической тематики. Стремление к стройной систематике и точной терминологии придавало структурализму наукообразный вид¹³. В то же время к структуральной теории примкнули и заядлые враги марксистской философии и социализма, сознательно проповедовавшие идеалистический бред (например, Р. Якобсон)¹⁴.

Именно в этих условиях в Праге вокруг проф. В. Матезиуса сгруппировался ряд лингвистов (Б. Гавранек, Б. Трика, С. Карчевский, Р. Якобсон), которых вначале объединял скорее интерес к некоторым проблемам общего языкознания, чем их однозначное решение. Вскоре, осенью 1926 г., на основе этой группы и возник Пражский лингвистический кружок (ПЛК)¹⁵, уже в 1928 г. активно выступивший на I Международном съезде лингвистов. ПЛК стал известен в первую очередь как «Пражская фонологическая школа» в связи с изданием членами кружка ряда работ по фонологии (прежде всего, работ Р. Якобсона и Н. Трубецкого); менее известны труды его членов по теории литературного и поэтического языка, по стилю и по культуре речи.

Несмотря на большое влияние, которое оказал пражский структурализм на чехословацкую лингвистику (и не только на чехословацкую), она представляла тогда довольно пеструю картину: ряд языковедов остался на своих прежних позициях (например, Ф. Рышанек, Кв. Годура, в общем и акад. Ф. Травничек), некоторые примкнули к ПЛК лишь на время и потом отошли от него (например, М. Вейнгарт, Фр. Илек-Оберпальцер).

Дифференцированно следует подходить к каждому члену ПЛК. Так, например, центр тяжести работы акад. Б. Гавранека в ПЛК лежал в области теории и истории

⁹ Ср. V. B r ø n d a l, *Linguistique structurale*, «Acta Linguistica», Copenhagen, 1939, v. I, f. 1, стр. 2 и сл.

¹⁰ Попытка проповеди логицизма в ПЛК имела место и в послевоенный период; см. В. T r n k a, *Jazykozpyt a myšlenková struktura doby*, «Slovo a slovesnost», R. X, c. 2, Praha, 1947, стр. 73 и сл.

¹¹ Л. Е л ь м с л е в, *Метод структурного анализа в лингвистике*, «Acta Linguistica», Copenhagen, 1950—51, v. VI, f. 2—3, стр. 57 и сл.

¹² «Úvod», «Slovo a slovesnost», R. I, č. 1, Praha, 1935.

¹³ См. J. M u k a ř o v s k ý, *Ke kritice strukturalismu v naší literární vědě*, «Tvorba», R. XX, č. 40, Praha, 1951, стр. 964.

¹⁴ См. P. S g a l l, *Stalinovy práce o jazykovědě a pražský linguistický strukturalismus*, стр. 674.

¹⁵ См. об этом V. M a t h e s i u s, «Slovo a slovesnost», R. II, č. 3, Praha, 1936, стр. 137—145. Отметим, что словацкие структуралисты создают самостоятельную лингвистическую организацию — Братиславский лингвистический кружок (БЛК) — только в 1946 г.

ПЛК с 1929 г. до 1939 г. издавал в Праге «Travaux du Cercle linguistique de Prague» («TCLP»), а с 1934 г. журн. «Slovo a slovesnost», прекращенный в 1944 г. и возобновленный только в 1947 г.; БЛК издал в 1947 г. в Братиславе «Recueil du Cercle linguistique de Bratislava», I, а в 1946—1950 гг. в Братиславе издавался журн. «Slovo a tvar».

литературного языка (а отчасти и языка поэтического) и культуры речи¹⁶. Другие его труды, посвященные преимущественно вопросам славистики, продолжают и развивают дело его учителей И. Зубатого и О. Гуйера. По-разному подходили к языку, например, В. Матезиус и В. Скаличка. Для проф. Матезиуса характерно сочетание изучения конкретного материала со стремлением показать место исследуемых фактов в языковой системе и придать разбираемому вопросу общелингвистическую перспективу. Проф. В. Скаличка, наоборот, стремился охватить лингвистическую систему в целом и дать общее решение основных вопросов теории языка. Близостью к копенгагенской школе от других членов кружка отличался Б. Трика. Не было в ПЛК полного единства взглядов и на вопросы фонологии, хотя фонология была наиболее детально разработанной областью. Н. Трубенкой стремился создать общую теорию фонологической системы¹⁷; в отличие от него проф. Матезиус всегда интересовался составом фонем конкретного языка и их использованием в его лексике. Неодинаково было отношение и к некоторым частным вопросам, например, к теории нейтрализации фонологических противопоставлений, к архифонеме. Идейные позиции отдельных членов ПЛК были различные; нельзя, например, ни в коем случае предполагать, что все относились к феноменологии Гуссерля, как Р. Якобсон; напротив, многие члены ПЛК в условиях буржуазной республики принадлежали к прогрессивной интеллигенции.

Для ПЛК было характерно, что основные понятия структурального исследования (понятия структуры, знака, функции, имманентности движения) переносились в другие области, главным образом в литературоведение, связанное своим материалом с языкознанием; кроме литературоведения, принципы структурального исследования применялись также, например, в этнографии. Что касается структурализма в литературоведении, то в этом отношении, кроме местной традиции, сказалось влияние и русских формалистов¹⁸. В отличие от формализма, который ограничивался вопросами поэтики¹⁹, структурализм распространяется и на область истории литературы. Таким образом, структурализм перерастает рамки языкознания и становится в конце концов «мировоззренческой» позицией исследователя²⁰. Эта всеобщность является одной из характерных черт пражского структурализма, который и в области лингвистической теории имеет свою специфику по сравнению, например, с женеvской или копенгагенской школами.

Лингвистическая программа ПЛК сформулирована в первом томе «Travaux du Cercle linguistique de Prague», посвященном I съезду славистов²¹.

Язык определяется в «Тезисах» Пражского лингвистического кружка как «система целесообразных средств выражения»; этим определением подчеркивается его системный характер и указывается на необходимость функциональной точки зрения при исследовании²². В отличие от де Соссюра подчеркивается не только системный характер языка в его синхронном разрезе, но и необходимость в связи с системой проследивать также исторические изменения, так как они выступают не в одиночку, не случайно и не безотносительно к системе. При историческом исследовании должен

¹⁶ Близко к этому кругу вопросов стоял и проф. В. Матезиус. Следует отметить также издание членами ПЛК сборника «Spisovná čeština a jazyková kultura» (Praha, 1929), который сыграл важную роль в борьбе с луризмом.

¹⁷ См., например, его «Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme», «TCLP», t. I, Prague, 1929, стр. 39—67; «Grundzüge der Phonologie», Prague, 1939.

¹⁸ В ПЛК с докладами выступали Г. Винокур, Б. Томашевский, Ю. Тынянов.

¹⁹ См. Б. М. Энгельгардт, Формальный метод в истории литературы, Л., 1927.

²⁰ См. J. Mukařovský, Strukturalismus v estetice a ve vědě o literatuře, «Kapitoly z české poetiky», d. I, 2-е изд., Praha, 1948, стр. 14.

²¹ Thèses, «TCLP», t. I.

²² Данное определение далеко не отражает сущности языка и допускает возможность разного толкования. Ср., например, предисловие к сб. «Čtení o jazyce a poesii» (Praha, 1942), где говорится: «Язык является нашим постоянным спутником в повседневной жизни со всеми ее требованиями, радостями и заботами, так что ее даже нельзя себе представить без этого средства общения; язык является неотъемлемой составной частью человеческого мысли, так что неотступно следует за ней в ее развитии от примитивных ее форм к сложному научному мышлению. Для нас существование языка разумеется само собой, так что мы даже не замечаем, как сложна его структура и какой сложной она должна быть, чтобы удовлетворять всем своим многообразным задачам. Только различия между языками не ускользают от нашего внимания, и поэтому язык стал важным признаком национальной самобытности». И далее: «Современная наука о языке видит в языке сложную, но целостную структуру, служащую многообразным задачам и определяемую ими; структуру, явления и отдельные части которой можно объяснять и оценивать только в связи с этой целостной структурой и только тогда, когда принимаются во внимание соответствующие им (этим явлениям и частям.— О. Л.) задачи».

иметь место принцип системности и функциональности; с другой стороны, и синхрония не может исключить момент развития, так как в системе сосуществуют элементы исчезающие, живые и нарождающиеся.

Однако эта попытка снять противоречие между синхронией и диахронией на практике разрушается общей тенденцией к исследованиям в плане синхронном²³ и постановкой метода «аналитического сравнения»²⁴ наряду с методом сравнительно-историческим (историческим). Так, например, «лингвистическая характеристика» современного состояния славянских языков (нужно иметь в виду, что «Тезисы» посвящены съезду славянских филологов) считается предпосылкой исторического исследования.

Та же противоречивость заключается и в том, что наряду с вопросами исследования родственных языков (т. е., в сущности, вопросами генетическими) ставится и вопрос о так называемых «языковых союзах», т. е. группах языков родственных и неродственных, обнаруживающих общие структурные черты, которые возникают в результате взаимовлияния²⁵.

В том, что способность общих изменений в генетически неродственных языках ставится наряду с вопросом о языке, отражается скептицизм в отношении праязыковой теории. Логическим выводом из такой связи праязыковой теории и языковых союзов является работа Н. Трубецкого «Gedanken über das Indogermanenproblem»²⁶. Хотя Трубецкой и не исключает возможности генетического родства индоевропейских языков, его статья является попыткой объяснить происхождение индоевропейской языковой общности на основе теории языковых союзов, т. е. путем взаимовлияний и скрещений.

При исследовании звуковой стороны языка в «Тезисах» подчеркивается роль простого наблюдения, в особенности акустической стороны звуков (в противовес увлечением экспериментальной фонетикой). Прежде всего, сказано там, необходимо установить фонологическую систему данного языка и возможности фонематических комбинаций.

Вместо привычного деления науки о языке на лексику с фразеологией и грамматику (морфологию и синтаксис) предлагается следующее деление: учение о слове (и устойчивых словосочетаниях — эквивалентах слова) и учение о свободных словосочетаниях — синтагматика²⁷. Морфология как учение о формах словоизменения проходит как через учение о слове, так и через синтагматику.

²³ Ср., например, точку зрения по тому же вопросу в статье Б. Трнки «Méthode de comparaison analytique et grammaire comparée historique», «TCLP», t. I, стр. 33—38.

²⁴ Под «аналитическим сравнением» понимают сравнение родственных и неродственных языков, имеющее целью установить их характерные черты.

²⁵ Наиболее детально исследован так называемый «балканский союз языков»; кроме того, указывалось на «среднеевропейский» и «евразийский» союзы языков. Империалистическим устремлениям США служит теория «атлантического языкового союза», усиленно распространяющаяся в последнее время на Западе и выражающаяся в стремлении создать миф об особой «западной» области со своей культурой и языком. Об этом в последний раз в ПЛК говорил В. Поллак (см. «Slovo a slovesnost», R. X). Нужно сказать, что теория «атлантического языкового союза» является далеко не первой попыткой противопоставить языки Западной Европы другим европейским языкам.

Больше всех в ПЛК занимался вопросом языковых союзов Р. Якобсон. См., например, его работу «Über die phonologischen Sprachbünde», «TCLP», t. IV, стр. 234 и сл.

В основу этих «теорий» часто кладутся черты фонологической системы. Консервативность грамматики, ее медленное развитие, а поэтому и недостаточную грамматическую характеристику языковых союзов отмечает В. Скаличка. См. его работы: «Zur ungarischen Grammatik» (Praha, 1935, стр. 63); «Zur Charakteristik des eurasischen Sprachbundes», «Archiv Orientální», R. VI, sv. I, Praha, 1933, стр. 272 и сл. О развитии склонения в связи с характеристикой языковых союзов см. у Н. Трубецкого в работе «Gedanken über die slovakische Deklination», «Sborník Matice Slovenskej», R. XV, s. I, стр. 39 и сл.

Более подробно о языковом союзе в последнее время писал Г. Беккер (H. Becker) в книге «Der Sprachbund» (Leipzig — Berlin, 1948). Интересен генезис теории языковых союзов (ее отношение к теории волн и к теории так называемых «культурных областей»).

²⁶ «Acta Linguistica», v. I, f. 2., стр. 81 и сл. Само собой разумеется, что проблема общих черт, например в балканских языках, не снимается, но, с другой стороны, ясно, что ее не решает теория языковых союзов в разработанном до сих пор виде.

²⁷ Синтагматика в том виде, в каком она сформулирована в «Тезисах», не совпадает полностью с синтагматикой Карцевского и де Соссюра, хотя влияние последних несомненно; на первое место здесь ставится изучение «предикативных синтагм».

Важное место в изучении многообразного функционального (в самом широком смысле) расслоения языка занимают вопросы интеллектуального и аффективного характера высказывания, форм высказывания (устной, письменной), вопросы социальной диалектологии²⁸. Центральное место среди этих вопросов занимал литературный язык во всем его многообразии, а также вопросы культуры речи.

Особенности, диктуемые зависимостью высказывания от выполняемой функции и ситуации в самом широком смысле, некоторые особые закономерности развития того или иного пласта языка²⁹ приводили к тому, что за этими особенностями и отличиями терялось единство общенационального языка.

Наибольшее внимание структуралистов привлекал поэтический язык; его специфика формулируется в согласии с теорией формализма как «установка на выражение»; теория языкового выражения как самоцели является основой утверждений об особых якобы закономерностях поэтического языка и защиты всех реакционных направлений в художественной литературе, например поэтизма, сюрреализма; обесмысливание языка, систематическое разрушение его нормы объяснялось как деформация языка, выполняющая особую функцию.

Слишком большое значение придавалось и противопоставлению «актуализации», как стремления к непосредственному, особому, новому, и «автоматизации» языковых средств³⁰.

Тезисы ПЛК содержат и программу исследования вопросов, связанных со старославянским языком и его судьбами; ставится вопрос об исследовании дошедших до нас памятников именно как памятников литературного языка; с этим его специальным назначением связан ряд особенностей его состава и развития. Наряду с таким исследованием должно идти, как указывается в «Тезисах», исследование вопроса о происхождении старославянского языка, что только и может создать прочную базу для сопоставления отдельных вариантов в разных рукописях. Предполагается довести историю церковнославянского языка до нового времени, причем особое внимание должно быть обращено на роль старославянского (церковнославянского) языка при создании отдельных славянских языков и на историю церковнославянских элементов в этих языках.

В «Тезисах» выдвигается и положение о лингвистической географии как о вспомогательной дисциплине, фиксирующей в пучках изоглосс границы распространения явлений, взаимно обусловленных системой языка; нужно, чтобы лингвистическую карту дополняли изоглоссы явлений «антропо-географических» и физико-географических. ПЛК предлагает создать лингвистический атлас славянских языков (так как этимологические исследования нуждаются в точном установлении границ распространения отдельных слов) и планировать лексикографическую работу, исходя из понимания словарного состава языка как системы.

Тезисы ПЛК, в основных положениях внутренне противоречивые, в ряде случаев находятся в разладе и с практикой кружка; задуманные предприятия, о которых говорится в «Тезисах», большей частью не были осуществлены; но тем не менее «Тезисы» дают приблизительное представление о профиле ПЛК и о его отличиях от женевской школы [представители которой, с одной стороны, стремились к решению вопросов стилистики в понимании Байя, а с другой стороны, занимались общими вопросами теории языка (А. Сешье)]³¹ и тем более об отличиях от школы копенгагенской. Л. Ельмслев — представитель датского структурализма — упрекает между прочим пражцев в том, что они из разнородной соссюринской теории берут как раз то, что ближе всего стоит к лингвистической традиции и не отражает новые идеи де Соссюра (недооцениваются главным образом: знаковый характер языковых средств — семиология, различение *langue* и *parole*, мысль о том, что в лингвистической системе существуют одни только отношения)³². «Поэтому они переняли у него (т. е. у де Соссюра. — О. Л.), в первую очередь, те места его книги, где понятие *langue* выступает не как чистая форма, но где язык понимается как форма в субстанции, а совсем не как нечто от субстанции независимое»³³. Ельмслев защищает «...понимание языка как чистой структуры соотношений, как схемы, как чего-то такого, что противоположно той случайной (фонетической, семантической и т. д.) реализации, в которой выступает

²⁸ Из наиболее систематических работ по социальной диалектологии можно указать Fr. Oberpálcer, «Argot a slangy», «Československá vlastivěda», d. III, Jazyk, Praha, 1934, стр. 311—375.

²⁹ См. работу Б. Гавранека «Influence de la fonction de la langue littéraire», «TCLP», t. I, стр. 106—120.

³⁰ См. сб. «Spisovná čeština a jazyková kultura», стр. 52 и сл.

³¹ См. А. Сеchehaie, L'école genevoise de linguistique générale, «Indo-germanische Forschungen», B. 44, H. 3—4, Berlin — Leipzig, 1927, стр. 217—241.

³² Там же. Л. Ельмслев, Метод структурного анализа в лингвистике.

³³ Там же, стр. 61.

эта схема»³⁴, так как, по его мнению, «... реальными языковыми единицами являются представленные звуками или знаками и значениями элементы соотношений»³⁵. При установлении этих соотношений играет большую роль проекция логических категорий, и поэтому установленная система не соответствует языковой действительности, является искусственной, мертвой, оставляет без внимания все существенные для языка связи. Ельмслев старательно подчеркивает значение семиологии для лингвистики, которая якобы может внести серьезные коррективы в определение языка³⁶.

Нужно подчеркнуть, что все специфические черты пражской школы не противостоят основным принципам структурализма³⁷. Реализм во взгляде на языковую действительность, который при всех недостатках пражской школы отличает ее от других школ, все же не преодолевает неправильные основные положения, во многом восходящие к идеалистическому сосорианству.

Отдельные разделы науки о языке разрабатывались структуральным языковедением очень неравномерно. Если в области фонологии была все же выработана определенная система, то в других разделах языковедения наблюдается совершенно иная картина: в области грамматики существует лишь ряд попыток создать теорию структуральной грамматики, вопросы же лексики почти совсем не разрабатывались.

Очень трудно дать сколько-нибудь подробную общую характеристику довольно разнообразных попыток создать структуральную грамматику; общим для них является то, что все они — одна в большей, другая в меньшей степени — страдают недостатками, свойственными структуральной методологии в целом: чем меньше внимания уделяется материалу, чем больше априоризма и спекулятивности в построениях, имеющих целью охватить систему языка в общем, тем ярче выступают эти недостатки; и наоборот, чем полнее охвачено все многообразие языковых явлений, наблюдаемое на самом материале, тем меньше сказываются принципы структурального исследования. В дальнейшем мы остановимся на концепциях грамматики, выдвинутых проф. В. Матезиусом и проф. Вл. Скаличкой.

*

Основоположник ПЛК проф. В. Матезиус занимался разработкой теории грамматики наиболее систематически и наиболее самостоятельно³⁸; ему принадлежит и многое из соответствующих разделов «Тезисов» ПЛК. Прежде чем приступить к разбору грамматической теории В. Матезиуса, нужно коснуться некоторых общих ее положений, относящихся к лингвистическому анализу языка в целом:

1. «К правильному научному анализу данного языка можно прийти только на статической (синхронной) основе, т. е. путем всестороннего анализа языка в данный отрезок времени». «Структуральная лингвистика, правда, считает своей важнейшей задачей исследование проблем синхронного порядка, которые младограмматическая школа, за исключением фонетики, систематически оставляла в стороне, но структуральная лингвистика, с другой стороны, хорошо осознает, что полного научного познания языка можно достигнуть лишь в случае комбинации методов синхронического и диахронического».

2. «При этом нужно пользоваться методом „аналитического сравнения“, т. е. сравнения языков родственных и неродственных, имеющим целью ярко показать существенные черты того или иного языка» (лингвистическая характеристика).

3. «Методом „аналитического сравнения“ можно с успехом пользоваться только тогда, когда мы стоим на функциональной точке зрения, т. е. тогда, когда мы исходим из общих потребностей общения и исследуем, как отдельные языки, каждый по-своему, эти общие потребности удовлетворяют».

4. «Наконец, анализ, который проводится на этой основе и при помощи этих методов, должен ставить себе целью установление причинных связей между отдельными сосуществующими явлениями данного языка»³⁹.

³⁴ Л. Ельмслев, Метод структурного анализа в лингвистике, стр. 61.

³⁵ Там же, стр. 57.

³⁶ «Де Соссюр ясно понимал, что структурное определение языка должно было привести к тому, что структуры, до сих пор не признававшиеся традиционным языковедением как языки, будут признаны как таковые, и что те языки, которые рассматривались как таковые традиционным языковедением, будут признаны только как разновидности языков вообще» (там же, стр. 65).

³⁷ Нельзя поэтому целиком согласиться со статьей В. Скалички «Kodaňský strukturalismus a „pražská škola“».

³⁸ См., например, его статью «O soustavném rozboru gramatickém, сб. «Čeština a obecní jazykozpyt», Praha, 1947, стр. 157 и сл., и статьи: в «Časopis pro moderní filologii», (R. XIII, Praha, 1927) и в сб. «МННМА», посв. проф. И. Зубатому (Praha, 1926).

³⁹ V. Mathesius, Pokus o teorii strukturální mluvnické, «Slovo a slovesnost», R. II, Praha, 1936, стр. 48.

Функциональное рассмотрение средств языка, как рассмотрение с точки зрения их функций при речевом общении, направляет внимание исследователя на конкретный языковой материал и его многосторонние связи с внеязыковой действительностью и устрояет, таким образом, опасность подхода к языку с заранее готовыми схемами. Именно поэтому такое рассмотрение и считается одним из важных достижений русской лингвистической мысли. Однако в той форме и в той связи, в которой его формулирует выше В. Матезиус, функциональный принцип тесно соприкасается с вопросом различий между языками, с лингвистической характеристикой⁴⁰, а тем самым и с методом аналитического сравнения, который служит лингвистической характеристике. Этот момент существенно ограничивает функциональное рассмотрение языка, которое оказывается наиболее плодотворным в границах материала одного языка или языков родственных. Определение отношений в системе просто как причинных затушевывает их сложность и разнообразие.

Что касается метафизического противопоставления синхронии (статики) и диахронии, то у Матезиуса оно представлено в менее резкой форме, чем у де Соссюра. Резкая грань между так называемой исторической грамматикой и грамматикой современного языка исчезает только при понимании современного состояния языка как момента его развития.

Каждый язык складывается в течение своего развития в самобытную систему, и поэтому ее черты можно выявить только на материале данного языка (изучаемого в тесной связи с историей народа) или на материале языков, генетически с ним связанных (причем нужно различать степень родства) путем применения сравнительно-исторического метода. Сравнительно-историческому методу противостоит метод аналитического сравнения⁴¹, сфера применения которого узко ограничена задачей отнестись, подчеркнуть, показать более рельефно особенности того или иного языка. Между тем Матезиус неправомерно ставит метод аналитического сравнения наряду с методом историческим; поэтому «лингвистическая характеристика», добытая этим методом, не может в той или иной степени не исказить состояние его системы.

Наши высказывания, по мнению проф. Матезиуса, не простые снимки окружающей нас действительности (хотя прямая связь языковых средств с действительностью не подлежит для него сомнению); высказывание в известном смысле упрощает действительность, о которой что-либо говорится; однако семантический разбор любого высказывания показывает, что его семантическая структура содержит, с другой стороны, и такие элементы, которых нет в «вещественном содержании» высказывания: отношение говорящего к данной реальности, отношение к собеседнику, действительному или воображаемому; кроме того, каждое высказывание возникает в определенной ситуации, в зависимости от которой также формируется его семантическая структура⁴². Основной функцией языка является функция коммуникативная, и все известные нам языковые системы построены на коммуникации (а не на экспрессии).

Для того чтобы сказать что-либо собеседнику, нам нужны слова (наименования) и средства, служащие для установления связи между ними, для построения предложения. «Фоном для „акта наименования“ служит совокупность употребляемых в языке наименований, составляющая словарный запас языка. Фоном для „акта образования предложения“ служат конструкции предложений, по образцу которых в данном языке образуются предложения разных типов, и вообще все то, что в общем касается образования предложений»⁴³. На этом основании проф. Матезиус выделяет две основные области исследования — ономотологию и функциональный синтаксис. Он говорит: «Таким образом, мы приходим к двум основным областям лингвистического исследования: в одной из них исследуются средства и способы языкового наименования, которое закрепляет отдельные отрезки действительности, в другой — средства и способы, при помощи которых наименования, выбранные для обозначения отрезков данной действительности (актуальной ситуации), сочетаются в предложении»⁴⁴. Кратко можно было бы обе области — ономотологию и функциональный синтаксис — охарактеризовать как учение о слове вообще и учение о предложении⁴⁵.

Более или менее ясно можно себе представить функциональный синтаксис, центральным объектом которого является предложение. Содержание учения о предложении зависит всегда от понимания самого предложения. Проф. Матезиус дает следующее определение его: «Предложение — это элементарное коммуникативное высказы-

⁴⁰ V. M a t h e s i u s, *Stilistická a lingvistická charakteristika*, сб. «Čeština a obecný jazykozpyt», стр. 9 и сл.

⁴¹ Поэтому в последнее время некоторые советские языковеды различают с р а в н е н и е языков и сопоставление языков.

⁴² См. V. M a t h e s i u s, *Řeč a sloh*, сб. «Čtení o jazyce a poesii», стр. 13—14.

⁴³ Там же, стр. 17.

⁴⁴ V. M a t h e s i u s, *O soustavném rozboru gramatickém*, стр. 160.

⁴⁵ Тезисы ИЛК говорят еще о синтагматике (*Théorie des procédés syntagmatiques*).

вание, в котором говорящий активно и способом, оставляющим со стороны формальной впечатление общности и субъективной полноты (завершенности), относится к какому-нибудь факту»⁴⁶. Основной чертой этого определения является его функциональность, внимание к связи с действительностью; важно также то, что оно не ограничивает предложение каким-либо одним типом конструкции. Недостатком является отсутствие внимания к соотношению категорий грамматических и логических, тогда как выяснение этого соотношения для определения сущности предложения необходимо.

Наоборот, ономотология, учение о наименовании, представляет собой область гораздо более разнородную, а вместе с тем и спорную, как один из разделов науки о языке. Прежде всего, к ономотологии относится учение о лексическом значении слова (и фразеологических сочетаний — эквивалентов слова) и о соотношении лексического значения слова и его контекстуальных модификаций; сюда же входит и вопрос о словообразовательных возможностях языка, о путях пополнения словаря, короче говоря, все то, чем обыкновенно занимается лексикология⁴⁷. Словарный состав языка, по мнению проф. Матезиуса, представляет собой систему, сложно организованную на основании нескольких, взаимно перекрещивающихся принципов⁴⁸. На основе общих словообразовательных элементов (префиксов, суффиксов) слова образуют ряды, обобщая основы (или корни) объединяет производные слова в так называемые гнезда; на основании того же (или почти того же) значения выделяются синонимические ряды, антонимы ассоциируются на основе противоположного значения (*теплый ~ холодный*; *быстрый ~ медленный*; *черный ~ белый* и т. п.). «Но наименования группируются не только попарно или в ряды, а также в круги вокруг основного представления»⁴⁹.

Все эти принципы классификации создают, правда, систему, но они не являются самой важной классификацией, которая глубже всего проникала бы «в самую сущность языковой системы». Такой классификацией являются, по проф. Матезиусу, части речи: «Части речи являются основой классификации, которая дает говорящему возможность владеть словарным запасом своего языка»⁵⁰. Таким образом, ономотология охватывает также сложную проблематику частей речи, которые не ограничиваются только классификацией предметов окружающей нас действительности; они являются вместе с тем и носителями показателей своих синтаксических функций⁵¹. Они опираются, следовательно, на двоякую, перекрещивающуюся классификацию: классификацию предметов внешнего мира (предметы с их постоянными и изменяющимися признаками) и классификацию по синтаксическим функциям. Части речи не простые категории, внутри них классификация продолжается на основании признаков (различий), в той или иной степени функционально (семантически) нагруженных⁵²; иногда они носят чисто формальный характер, (ср., например, грамматический род имен существительных в таких случаях, как *дом ~ школа ~ поле*), иногда занимают совершенно определенное место в семантической структуре языка (ср. ту же категорию рода в таких случаях, как *учитель ~ учительница* или чешское *kluk nezbedný* «озорной мальчишка», *kluk nezbedná* «озорной мальчишка» — с экспрессией; *ta špína* «грязь ~ испина» «шкурник, мошенник»).

В работе «О систематическом грамматическом анализе» проф. Матезиус различает два ряда классификационных признаков: в одних случаях при переходе из одной вторичной категории в другую ядро семантики слова остается незатронутым, не меняется — тогда перед нами «аспектовые модификации»; в других случаях при переходе из одной вторичной категории в другую целиком меняется значение слова. Классификационные признаки этого типа Матезиус называет «категориальными»⁵³. (Так, например, у существительных Матезиус считает аспектовыми модификациями число — *камень ~ камни, камней*; партиципальность — франц. *un pain ~ du pain*; *les pains ~ des pains*; определенность — англ. *man ~ a man ~ the man*; род — чеш. *kluk nezbedný ~ kluk nezbedná*; степени сравнения прилагательных — *красивый ~ красивее*; у глаголов: время — *делает ~ делал*; наклонение — *делай ~ делал бы*; вид — *делает ~ сделать, прodelать ~ прodelывать*. Категориальным различием Матезиус считает, например, одушевленность и неодушевленность в таких случаях, как чеш.

⁴⁶ V. Mathesius, Několik slov o podstatě věty, сб. «Čeština a obecný jazykozpyt», стр. 231.

⁴⁷ См. Thèses, «TCLP», t. I.

⁴⁸ Ср. «Řeč a sloh», стр. 43 и сл.

⁴⁹ Ср. там же, стр. 45; например: курица *кудахтает, копается, клюет, несет яйца, выводит цыплят, созывает цыплят* и т. д.

⁵⁰ V. Mathesius, O soustavném rozboru gramatickém, стр. 164.

⁵¹ Ср. F. Slottý, Wortart und Wortsinn, «TCLP», t. I, стр. 93—106.

⁵² Выделяемые ряды проф. Матезиус называет «вторичными категориями» (ср. «O soustavném rozboru...»).

⁵³ Ср. V. Mathesius, O soustavném rozboru gramatickém, стр. 165.

baliky «посылки, пакеты» ~ *balici* «провинциалы»; *tě špině — tomu špinovi*, переносимость и непереносимость в славянских языках.) При этом проф. Матезиус подчеркивает, что каждый язык имеет свою систему частей речи; «аспектовые модификации» и «категориальные различия» видоизменяются по их взаимоотношениям в системе.

Из сказанного уже видно, что, согласно Матезиусу, формальные признаки слов имеют различное содержание; если сопоставить вышеприведенные примеры, например, с функциями форм прилагательных (добрый, -ая, -ое, -ие; добрый, ого, ому...), то становится ясным, что «морфология, которая занимается группировкой языковых средств системы, основанной на формальной близости, проходит через обе эти области»⁵⁴, т. е. выходит за пределы ономотологии и переходит в функциональный синтаксис. Морфология имеет при этом свою специфику, свой предмет исследования. На фоне сказанного вырисовывается и взаимоотношение отдельных разделов науки о языке.

О грамматической системе проф. Матезиуса, оставшейся недоработанной и не проверенной на практике, нельзя сказать, что она смешивает грамматические и лексические категории в том смысле, как это имело место в так называемом «повом учении» о языке, но «ономотология» несомненно стирает границу между лексикологией и грамматикой, затушевывает специфику той и другой⁵⁵. Ведь части речи как лексико-грамматические разряды слов в корне отличаются от всех пластов (рядов) лексик, выделяющихся из словарного состава на основе различных и е г р а м м а т и ч е с к и х признаков. В этой нечеткости разграничения, проведенного В. Матезиусом, заключается основной порок его грамматической системы, который усугубляется также преувеличенным вниманием к синхронному анализу.

Общее признание получило учение Матезиуса об «актуальном членении предложения»⁵⁶. Оно разрабатывалось в связи с основным вопросом отношения языка к выражаемой действительности и отношения высказывания к конкретной ситуации. Сама постановка вопроса и ее решение не связаны со структуральной теорией языка, но актуальное членение предложения считается достижением ПЛК и поэтому следует упомянуть и о нем. Актуальное членение предложения следует противопоставлять его формальному (грамматическому) членению. Формальное членение касается строения предложения из элементов грамматических (членов предложения); в отличие от него актуальное членение предложения касается того, как включается предложение в конкретную ситуацию, из которой оно возникло. Основными моментами формального членения предложения являются грамматический субъект и грамматический предикат; основными элементами актуального членения предложения являются его «исходный пункт» (*východiště věty*)⁵⁷, т. е. то, что в данной ситуации известно или по крайней мере очевидно и из чего говорящий исходит, — и «ядро высказывания», т. е. то новое, что говорящий высказывает об «исходном пункте» или в связи с ним⁵⁸.

Связь высказывания с конкретной ситуацией и контекстом, а тем самым и семантическая структура и актуальное членение предложения могут быть весьма разнообразными в зависимости от разнообразия возможных ситуаций и контекста. В качестве примера представим себе предложение *Папа идет!* произнесенным в двух разных ситуациях: 1) дети ожидают отца — слышались шаги; 2) дети слышат шаги — оказывается, идет отец. В обоих случаях говорится о приходе отца, но семантическая структура в зависимости от конкретной ситуации меняется; в первом случае *папа* — основа высказывания, *идет* — ядро высказывания (актуальное членение основа ~ ядро совпадает с членением грамматическим); во втором случае, наоборот, *папа* — ядро высказывания, *идет* — основа высказывания. Важно не только само расчленение предложения на основу и ядро высказывания, но и порядок, в котором следуют основа и ядро высказывания один за другим. В повествовательном предложении обычным является порядок от основы (т. е. того, что известно) к ядру высказывания. В таком случае проф. Матезиус говорит об «объективном порядке» (например: *За эту книгу*

⁵⁴ Там же, стр. 161; ср. также «Тезисы», о которых говорилось выше.

⁵⁵ Об этом свидетельствует и интерпретация таких фактов, как чеш. *ta špina — ten špina*.

⁵⁶ Ср. в особенности его работы: «O tak zvaném aktuálním členění větném», сб. «Čeština a obecný jazykozpyt», стр. 243 и сл.; «Rozpor mezi aktuálním členěním souvětí a jeho organickou stavbou», там же, стр. 360 и сл.; «Základní funkce českého pořádku slov», там же, стр. 327 и сл.; «O srozumitelnosti a působivosti mluveného slova v rozhlasu», там же, стр. 137 и сл.; «Řeč a sloh». Учение об актуальном членении предложения нашло доступ и в школьные учебники. См., например, «Cvičebnice jazyka českého pro I. třídu gymnasií a vyšších odborných škol», Praha, 1951.

⁵⁷ В других работах употребляется вместо термина «východiště» термин «základ» (основа).

⁵⁸ V. M a t h e s i u s, O tak zvaném aktuálním členění větném, стр. 234.

я заплатил двадцать рублей) в отличие от «субъективного порядка», когда вследствие особой мотивировки (например, взволнованности, стремления особо подчеркнуть тот или иной момент высказывания) говорящий начинает с ядра высказывания (т. е. в самом начале высказывания не устанавливает связь с ситуацией или контекстом) и только потом добавляет его основу (например: *Двадцать рублей я заплатил за эту книгу*).

Нормальным является субъективный порядок основы и ядра высказывания в предложениях вопросительных, побудительных, восклицательных. Очевидна в славянских языках (или вообще в языках с неграмматизированным порядком слов) связь актуального членения с порядком слов в предложении. Актуальное членение предложения является основным фактором, определяющим порядок слов в предложении⁵⁹. В других языках актуальное членение предложения выражается другими средствами⁶⁰. Вопрос о зависимости предложения от конкретной ситуации и контекста — вопрос животрепещущий; синтагматический строй предложения, перспективы исследования которого дает акад. В. В. Виноградов⁶¹, является несомненно центральной его частью. Проф. Матезиус теорию синтагмы с этим вопросом не связывает, хотя синтагму не оставляет без внимания⁶².

Разработка вопросов литературного языка привела проф. Матезиуса к вопросам стиля⁶³. Здесь нам хотелось бы лишь отметить одну наиболее интересную работу проф. Матезиуса «Řeč a sloh»⁶⁴. «Под стилем в области словесной (в области словесного выражения. — О. Л.), — говорит в этой работе проф. Матезиус, — мы понимаем определенный способ, каким использованы или каким обыкновенно используются средства языкового выражения для достижения конкретной цели»⁶⁵. Таким образом, по мнению проф. Матезиуса, стиль — это, во-первых, нечто данное, что можно наблюдать на готовых высказываниях (будь они совсем элементарными или сложными словесными произведениями), или, во-вторых, стиль только возможность, обусловленная ситуацией, в которой высказывание возникает, с которой оно связано. В этой ситуации выступают в качестве определяющих три фактора: возможности данного языка, сам говорящий или пишущий и поставленная цель высказывания («стиль функционального объекта»). Наиболее важным, согласно проф. Матезиусу, является для нас различие между стилем индивидуальным, т. е. проявлением в высказывании индивидуальности говорящего или пишущего, и стилем функциональным, показывающим, как высказывание удовлетворяет требования функционального объекта. В своей работе проф. Матезиус сосредоточивается на последнем, причем ограничивается рассмотрением того, как сама система чешского языка определяет возможности стиля простого изложения.

Читая работы проф. Матезиуса, нужно иметь всегда в виду, что его лингвистическое наследство внутренне противоречиво. Основное противоречие — в том, что методология, которой он следовал, ошибочна, тогда как его конкретный тонкий анализ, исходящий всегда из языковой эмпирии, позволял ему приходить к ценным наблюдениям и правильным выводам.

*

Грамматическая система проф. В. Скалички, как она представлена в его книге «Zur ungarischen Grammatik», изданной в 1935 г., строится в тесной связи с разработкой типологической характеристики языков и полностью ей подчинена (ср. контакт лингвистического анализа с задачами лингвистической характеристики и у проф. Матезиуса). По мнению автора, анализ грамматической системы языка должен определить место данного языка среди других языков⁶⁶, поэтому решение этого вопроса наряду

⁵⁹ Ср. V. Mathesius, Základní funkce českého pořádku slov, стр. 327 и сл.; см. также «Řeč a sloh», стр. 73 и сл.

⁶⁰ Ср. в связи с этим суждение о функции пассивных конструкций в западных языках (например, в английском) у Б. Гавранека (Influence de la fonction de la langue littéraire); о том же вопросе в японском языке см.: Е. Поливанов, Zur Frage der Betonungsfunktionen, «TCLP», t. VI, стр. 75 и сл.

⁶¹ См. В. В. Виноградов, Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., Учпедгиз, 1950, стр. 248—256.

⁶² V. Mathesius, Mluvní takt a některé problémy příbuzné, сб. «Čeština a obecný jazykozpyt», стр. 243 и сл.

⁶³ О стилистике и ее соотношении с лингвистикой ср. уже в его ранней работе: «O potenciálnosti jevů jazykových», «Věstník Královské české společnosti Nauk», tř. filos.-histor.-jazykozpytná, sv. II, Praha, 1911, стр. 1—24.

⁶⁴ См. сб. «Čtení o jazyce a poezii».

⁶⁵ Там же, стр. 35.

⁶⁶ V. Skalický, Zur ungarischen Grammatik, стр. 57.

с выяснением общих принципов подхода к грамматической системе занимает в названной работе центральное место; кроме венгерского языка, рассматриваются еще системы чешского, финского и турецкого языков.

Прежде всего следует остановиться на том, как автор понимает грамматику. Его понимание области грамматики чрезвычайно широко: она, по его мнению, охватывает все стороны языка, кроме фонологии⁶⁷. Такое широкое, а вместе с тем и расплывчатое понимание грамматики свойственно не только Скаличке. Исходным пунктом для него послужило следующее определение грамматики Р. Якобсоном: «Грамматика занимается знаками, а фонология частями, составляющими эти знаки»⁶⁸. В своей работе автор не следует данному определению грамматики и сужает ее объем. На той же странице он пишет: «Наша работа рассматривает прежде всего формативные элементы, значит, именно то, что обычно называется грамматикой». Материал ограничен и проблематика упрощена тем, что автор привлекает только неаффективный, тщательно отработанный стиль⁶⁹.

Как понимает проф. Скаличка систему языка, мы убеждаемся из следующих его слов: «Структуральная лингвистика учит, что все в языке существует только благодаря противопоставлению другим явлениям». Следуя этой сосюррианской идее, принятой в структуральном языкознании, проф. Скаличка стремится определить тот элемент, на основании которого языковая система построена. Такой подход к раскрытию грамматического строя вполне соответствует сосюррианской метафизической концепции системы языка⁷⁰. Для Скалички языковая система и существование основного ее элемента — это неразрывно друг с другом связанные два момента. «Если грамматика образует систему, тогда нужно найти наименьшую единицу, которая эту систему составляет»⁷¹.

Проф. Скаличка начинает с анализа принятого в ПЛК определения морфемы, данного Бодуэном де Куртене («морфологическая единица, неделимая на более мелкие морфологические единицы») ⁷². Если понимать «морфологическую единицу» как единицу грамматическую, рассуждает В. Скаличка, то нельзя согласиться с тем, что это единица неделимая (ср. англ. *hand* /*ð* ~ *hand/s* и *foot* ~ *feet*, *tooth* ~ *teeth* или чеш. *voják* /*ɔ* ~ *vojác/i*), так как формальное выражение грамматического значения может также касаться только части морфемы или же, наоборот, может выходить за границы одной морфемы и переходить в другую морфему (что нарушает бодуэновский принцип неделимости). В этом соглашается с В. Скаличкой Ельмслев⁷³. По его мнению, бодуэновское определение морфемы не позволяет ясно выявить различие между морфемой и семантой — формой и содержанием (т. е., другими словами, не позволяет оторвать форму от содержания) и не позволяет различать сложные по содержанию единицы, например латинское окончание *-ibus*. На этом основании Скаличка считает нужным заменить понятие морфемы как наименьшего грамматического элемента понятием с е м ы ⁷⁴. Сема должна быть таким элементом, на которые можно было бы разложить любой язык (быть применимой к каждому языку), одновременно быть элементом и формальным, и семантическим. Несмотря на то, что единство формы и содержания настойчиво подчеркивается, интерпретация языкового материала показывает, что тут мы имеем дело с элементом семантическим, с элементом грамматического значения, оторванного от его формального выражения. Что это действительно так, показывают следующие примеры: сема (грамматический элемент) может выражаться самостоятельными формальными элементами (ср. тур. род. падеж ед. числа *ev* /*ø* / *in* ~ род. падеж мн. числа *ev* / *ler* / *in*), или, наоборот, один и тот же формальный элемент может выражать несколько сем — грамматических элементов [ср. *stol* / *a* (род. падеж ед. числа)].

Приведенные примеры показывают также, что в разных языках соотношение семы и морфемы⁷⁵ различно. В славянских языках, в древнегреческом, латинском (вообще

⁶⁷ См. там же, стр. 7.

⁶⁸ Цит. по упомянутой книге проф. Скалички, стр. 7.

⁶⁹ См. там же.

⁷⁰ Де Соссюр говорит: «Странным и поразительным свойством языка является таким образом то, что в нем не даны различимые на первый взгляд сущности (факты), в наличии которых между тем усомниться нельзя, так как именно их взаимодействие и образует язык». По его мнению, эта черта отличает язык от других семиологических систем (См. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, стр. 106—109).

⁷¹ V. S k a l i ě k a, Zur ungarischen Grammatik, стр. 12.

⁷² Ср. «Projet de la terminologie phonologique standardisée», «TCLP», t. IV, стр. 309 и сл.

⁷³ См. «Acta Linguistica», v. II, f. 1, Copenhagen, 1940—41, стр. 63—64.

⁷⁴ «Sema: Grammatisches Element» (см. «Zur ungarischen Grammatik», стр. 66).

⁷⁵ Термин «морфема» В. Скаличка употребляет в значении «сочетание сем» (Semaverbindung): «Сочетание сем, которое выражено однозначно, самостоятельно или при помощи других морфем, непрерывным рядом фонем» (указ. соч., стр. 66).

в языках флективных) существует ясное противопоставление (различие) семы и морфемы, тогда как, например, в турецком (и вообще в языках агглютинативных) этого противопоставления, в общем, нет. Морфема, как ее понимает В. Скаличка, занимает в этих языках очень скромное место; вообще она «существует лишь потенциально» (т. е. как более или менее последовательная реализация той или иной черты языковой системы)⁷⁶.

Основной грамматический элемент — сема — противопоставит, как уже было сказано, и другим грамматическим единицам (не только морфеме) — слову и предложению (простому и сложному) как сематическим сочетаниям (для грамматической единицы вообще — семы, морфемы, слова и т. д. — В. Скаличка вводит термин «семем»). Вся система языка распадается на ряд сематических элементов (сем) с разными возможностями сочетания в разных языках (ср. выше о соотношении семы и морфемы в языках флективных и агглютинативных). План противопоставлений не ограничивается одним только противопоставлением семы и морфемы, а охватывает и более сложные сематические сочетания; так, образуют противопоставления: «морфема ~ слово»; «слово ~ предложение»; «простое предложение ~ сложное предложение». Как и в случае «сема ~ морфема», эти противопоставления реализованы в разной степени в зависимости от строя языка. Эта степень реализации как раз и характеризует его (ср., например, различное соотношение слова и предложения, разную степень самостоятельности слова в предложении в языках флективных, с одной стороны, и так называемых аналитических — с другой, или, например, различную степень противопоставления простого и сложного предложения в языках флективных и в языках агглютинативных). В этом плане противопоставлений по линии вертикальной («сема ~ морфема ~ слово ~ предложение») и в плане противопоставлений, расположенных в плоскостях горизонтальных (различия внутри сем, морфем, слов, предложений)⁷⁷, располагается и формируется, по проф. Скаличке, система (каждого) языка. То, что вся система языка строится у него на основании «наименьшей единицы», отражается ярче всего в упрощенном схематизме слова и предложения⁷⁸.

Исследование взаимосвязи структурных черт языка («структуральную грамматику») В. Скаличка противопоставляет грамматике описательной. Структуральная грамматика должна, согласно В. Скаличке, содержать учение о фонологической структуре сем, сематических элементов, о «неопределенности» их фонологической структуры и о функциональном использовании этой неопределенности (т. е. о возможных чередованиях и их использовании)⁷⁹, о структуре сематических (и морфематических) сочетаний и их взаимных отношениях. К этим вопросам относятся еще главным образом вопросы омосемии⁸⁰, омонимии, их распространения и использования в языке.

Как указывалось выше, вся лингвистическая система проф. Скалички направлена на решение вопросов типологии или, что то же, только в более общей форме, различий между языками (в формулировке проф. Скалички отношений «langue ~ language»). При их решении проф. Скаличка исходит из аналогии с фонологической теорией⁸¹. Говоря о соотношении между системой определенного языка и языковым

⁷⁶ Понятие потенциальности выдвинул в начале XX в. В. Матезиус. Он понимает под этим «статическое колебание, т. е. неопределенность (непостоянность) в данное время, в отличие от динамической изменчивости, проявляющейся во времени» («O potenciálnosti jevů jazykových», стр. 1). На эту проблему в принципе обратила внимание уже школа Бодуэна де Куртене.

⁷⁷ Т. е., например, различия между семами вещественного и грамматического значений (проф. Скаличка употребляет для различения термины *Semantem* и *Formem*; здесь сказывается широкое понимание грамматики, отмеченное выше); морфемами словообразовательными ~ словоизменительными; словами знаменательными ~ служебными; именем ~ глаголом...; предложением главным ~ придаточным.

⁷⁸ Ср. рецензию В. Матезиуса на работу В. Скалички «Pokus o teorii strukturální mluvnické».

⁷⁹ Это — по-новому сформулированные задачи морфонологии Трубецкого (ср. В. Скаличка, указ. соч., стр. 25 и сл.).

⁸⁰ Термин «омосемия» Скаличка употребляет для таких случаев, как, например: стол|ы, доктор|а, брат|ья, крестьян|е (им. падеж мн. числа); лат. *fer|o ~ tul|ti, lat|um*; эти случаи можно было бы назвать синонимией. Явлением омосемии считается наличие разных типов склонения и спряжения.

⁸¹ Вследствие стремления приблизить грамматический разбор к фонологическому его работа переполнена спекулятивной терминологией, аналогичной терминологии фонологической; например, термины: о п п о з и ц и я («Das Verhältnis zweier Sememe oder Sememgruppen», например, сема ~ морфема, имя ~ глагол), которая распадается на д и ф ф е р е н ц и а ц и ю («Die Opposition zweier Sememgruppen, die nicht gepaart sind», напр., имя ~ глагол), к о р р е л я ц и ю («Die Opposition zweier Sememgruppen, die mit Hilfe eines Sema gepaart sind», напр., учитель, учителя, учителю... ~ учителя, учителей, учителям...), р е л я ц и ю («Die Opposition zweier Semen, die in

типом, проф. Скаличка сравнивает это соотношение с соотношением между фонологической системой определенного языка и структурными чертами фонологической системы с их определенными комбинационными возможностями⁸². Такие же структурные черты, обладающие определенными комбинационными возможностями, существуют в его понимании и в области грамматики. Одни из них взаимосвязаны и взаимобусловлены, другие исключают друг друга⁸³. Так, например, яркое противопоставление «сема ~ морфема», характеризующее флексию (или слабую агглютинацию), сопровождается четкими различиями «слово ~ морфема», «слово ~ предложение», «простое предложение ~ сложное предложение», различиями между морфемами словоизменительными и словообразовательными, богатой дифференциацией категорий слов. Встречаются омонимия и омонимия (противопоставление ед. и мн. числа в таких случаях, как *учитель/в. учитель/я, учитель/ю... ~ учитель/я, учитель/ей, учитель/ям* и т. д., вызвано в интерпретации проф. Скалички функциональным использованием омонимии). Почти полное отсутствие этого противопоставления («сема ~ морфема») при агглютинации не допускает сокращения «прилеп» (формальных элементов), поддерживает их самостоятельность; исключаются омонимия и омонимия и т. п. Тип языка проф. Скаличка поэтому определяет следующим образом: «Тип языка представляется нам как редко или никогда не реализованный экстрем, в котором наиболее полно развиты друг другу благоприятствующие явления. Языки, которые не обнаруживают никакой яркой типологической характеристики, не являются ни в коем случае смешанными; они вполне систематичны. Благодаря вытесненным явлениям одной комбинации, возможно существование другой комбинации»⁸⁴.

В рамках языкового типа возможен целый ряд вариантов (ступеней), в зависимости от того, насколько последовательно реализована та или другая черта. Основываясь на таком понимании языкового типа, типология представляется, правда, гораздо сложнее, чем в работах предшествующих типологов. Однако нельзя согласиться с тем, что «отношение *langue* и *language* следует искать только в количественных различиях»⁸⁵.

В одной из своих более поздних работ⁸⁶ проф. Скаличка приходит к выводу, что «языки не относятся друг к другу просто как разные решения одних и тех же проблем». Отсюда — один шаг к пересмотру грамматической теории, основанной на типологии. Она не раскрывает сущности грамматической категории (и даже не ставит перед собой такой задачи), скользит по поверхности грамматической системы, не схватывает ее индивидуальности, самобытности. Подход к явлениям грамматики, аналогичный анализу фонологической системы, подчеркивает схематичность и искусственность построений.

В пересмотре нуждаются и работы, посвященные исключительно вопросам типологии (наиболее доступны работы «Развитие склонения в чешском языке» и «Тип чешского языка»⁸⁷, в особенности первая). В ней автор прослеживает изменения системы склонения и системы парадигматических типов во взаимосвязи с изменениями в структуре падежных форм в процессе их развития от индоевропейского праязыка.

Главную задачу работы автор видит в том, чтобы установить взаимную связь отдельных фактов, найти общую тенденцию их развития и выявить внутренний смысл типологических изменений. На вопрос, «что такое развитие языка, а значит и развитие склонения?»⁸⁸, проф. Скаличка отвечает: «Я не знаю, что такое развитие языка. Если я здесь и пытаюсь дать решение, то мне ясно, что это решение останется только догадкой»⁸⁹. Решение дается в плане типологической теории. К такому ответу его подводит сама постановка вопроса: вопрос о развитии языка ставится на одну плоскость с развитием склонения, хотя на самом деле это два разных вопроса. Нельзя отрицать, что все известные нам языки обладают формальными признаками, на основании кото-

ihrem begrifflichen Inhalt wesensverwandt sind»; реляцией считается, например, отношение местоимений *ты ~ он*). На эти недостатки своих ранних работ указывает сам проф. Скаличка: «Мои первые работы страдают стремлением достигнуть абстрактной точности, страдают перегруженностью излишней новой терминологией и выискиванием противопоставлений» («Ke kritice strukturalismus», «Tvorba», R. XX, с. 42, Praha, 1951, стр. 1011—1012).

⁸² «Zur ungarischen Grammatik», стр. 12.

⁸³ Об этом в области фонологии ср.: R. Jakobson, Remarques sur l'évolution phonologique, «TCLP», t. II, стр. 18; ср. также V. Brøndal, Les parties du discours, Copenhague, 1928.

⁸⁴ «Zur ungarischen Grammatik», стр. 62.

⁸⁵ Там же, стр. 57.

⁸⁶ V. Skalička, Problém jazykové různosti, «Slovo a slovesnost», R. IX, 1947, стр. 80 и сл.

⁸⁷ V. Skalička, Vývoj české deklinace. Studie typologická, Praha, 1941; Typ češtiny, Praha, 1951.

⁸⁸ «Vývoj české deklinace», стр. 3.

⁸⁹ Там же.

рых строится так называемая типологическая классификация языков. Но это еще не является доказательством того, что типологическая теория развития языков правильна.

Общим принципом развития языков можно считать только то, что связано с сущностью каждого языка (развитие «путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка»⁹⁰ в сложной зависимости от растущих и меняющихся потребностей общения и от самой языковой системы) и с основными свойствами структуры языка, из которых вытекает неравномерность развития структурных компонентов языка⁹¹. В этих общих границах каждый отдельный язык развивается по своим внутренним законам развития. Недопустима поэтому подмена исторического исследования языка типологической схемой, всегда в той или иной степени априорной⁹². Только историческое исследование конкретных языков сможет выяснить и многие вопросы типологии. Антиисторизм, разрыв формы и содержания, схематизм построений и искусственность интерпретаций языкового материала отмечает акад. Ф. Травничек как основные недостатки последней работы проф. Скалички «Тур бейтину». К сожалению, критик, отрицая структуральную типологию, отрицает как будто типологию вообще⁹³.

Проф. Скаличка понимает, в чем заключаются ошибки не только его работ по типологии, но и работ других авторов, которые останавливают свое внимание преимущественно на общих вопросах теории языка⁹⁴. Очевидно, ему удастся в связи с этим преодолеть свои ошибки. Уже некоторые послевоенные работы проф. Скалички, например его «Заметки по теории падежа»⁹⁵, указывают, что он в лингвистическом анализе гораздо ближе к языковой действительности, чем в более ранних своих работах.

Структуральная лингвистика не создала цельной и общепризнанной теории грамматики. Анализ работ, в которых дается обоснование структуральной грамматики, показывает, что, несмотря на все различия, между ними существует внутреннее сходство, обусловленное идеалистическим подходом к языку в структуральной лингвистике.

Не случайно, что так трудно найти работы, где бы решался вопрос о сущности грамматической категории. Решение грамматических вопросов расположено в плане синхронии, метафизическое противопоставление синхронии и диахронии сохраняется; метод «аналитического сравнения», который выходит за границы своего возможного применения, укрепляет антиисторизм в языкознании и вместе с теорией «языковых союзов» колеблет теорию праязыка, отвлекает внимание от решения генетических вопросов. Вообще вопросы развития языка отходят на задний план, система языка сводится к противопоставлениям сосуществующих элементов и их связи — это лишает ее движения, жизненности, придает ей вневременной характер. Общий характер схем стирает самобытность исследуемого языка; спекулятивный подход к нему часто заменяет тщательный анализ языкового материала.

*

Как уже указывалось вначале, ПЛК возник и развивался в определенных общественных условиях и, являясь продуктом этих условий, был связан с определенным этапом развития лингвистической теории. Вполне понятно поэтому, что большие сдвиги во всех областях общественной жизни, происшедшие в Чехословакии после революции в мае 1945 г., не могли не отразиться и на работе ПЛК (в известной степени здесь

⁹⁰ И. С т а л и ц, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 27.

⁹¹ С м. В. В. В и н о г р а д о в, Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 2, стр. 3 и сл.

⁹² Искусственной является и интерпретация некоторых частных фактов. Так, например, проф. Скаличка («Vývoj...», стр. 34) объясняет в склонении чешских *znamení dobrý, ten* повторяющийся вокализм — *i* (ед. число — им., род., дат., вин. пред. падежи *znamení-i*, твор. падеж *znamení-m*; мн. число — им., род., вин. падежи *znamení-i*, дат. падеж *znamení-m*, пред. падеж *znamení-ch*, твор. падеж *znamení-mi*), — *ě* (род. падеж *dobr-ě-ho*, дат. падеж *dobr-ě-mu*, пред. падеж *o dobr-ě-m* и т. д.), — *o/-ě* (ед. число — род. падеж *t-ě-ho*, дат. падеж *t-o-mu*, пред. падеж *o t-o-m*; мн. число — род., пред. падежи *t-ě-ch*, дат. падеж *t-ě-m*, твор. падеж *t-ě-mi*) — как тематический признак (по своей функции тождественный, например, с *-o* или *-ā* в индоевропейских *o*-основах или *ā*-основах), хотя для этого нет достаточных оснований.

⁹³ F r. T r á v n í ě k, Strukturalistická typologie jazyková, «Tvorba», R. XX, č. 47, Praha, 1951, стр. 1125—1126.

⁹⁴ С м. V. S k a l i ě k a: Ke kritice t. zv. typologie jazyků, «Tvorba», R. XX, č. 49, Praha, 1951 (на обложке).

⁹⁵ V. S k a l i ě k a, Poznámky k teorii pádů, «Slovo a slovesnost», R. XII, č. 3—4, Praha, 1950, стр. 134 и сл.

оказали влияние и перемены в составе членов кружка). Большинство понимало, что на старых позициях оставаться нельзя, между тем как новый путь не был еще найден. ПЛК переживал кризис. Популяризацию «нового учения» о языке следует расценивать прежде всего как дезориентирующий и задерживающий момент в развитии кружка. Нужно, однако, признать, что в самой теории структурализма есть черты, которые могли облегчать влияние на него «нового учения» о языке, например признание «языковых союзов».

Началом действительной критики, ставшей возможной только после выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию, можно считать ряд критических и самокритических выступлений и статей, опубликованных во второй половине 1951 г. в журнале «Tvorba»⁹⁶. Поскольку влияние структурализма не ограничивалось лишь областью языкознания, появились статьи о структурализме в литературоведении, литературной критике, эстетике. Критика, к сожалению, не была закончена, не были подведены итоги и не были приняты какие-либо конкретные решения⁹⁷. Тем не менее уже эта первая критика убедительно показала несостоятельность, порочность структуральной теории. Для преодоления всех недостатков и успешного развития науки о языке необходимо, конечно, не только довести лингвистическую дискуссию до конца, но и настойчиво овладевать марксистской методологией.

Глубокое усвоение работ И. В. Сталина по языкознанию, представляющих собой стройную систему марксистского языкознания, систематическое изучение трудов классиков марксизма-ленинизма, борьба с идеализмом в языкознании, углубленное критическое освоение лингвистического наследства, использование опыта самой передовой в мире советской науки, связь с практикой и разработка конкретных языковедческих вопросов, самокритическое и требовательное отношение к своей работе — вот, как нам кажется, основные условия успешного развития чехословацкой лингвистики вообще.

В дальнейшем развитии чехословацкого языкознания большая роль, несомненно, принадлежит Чехословацкой Академии наук, которая будет органом, объединяющим и направляющим силы всех чехословацких языковедов к единой цели — к созданию марксистского языкознания.

О. Лешка

НОВАЯ ПОПЫТКА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

(По поводу статьи Вл. Георгиева «Опыт за периодизация на историята на българския език», «Известия на Института за български език», кн. II, София, 1952, стр. 71—116).

Проблема периодизации истории конкретного языка — одна из важных и вместе с тем очень трудных проблем языкознания. В свете основных положений марксистского учения о языке должны быть критически пересмотрены старые схемы периодизации истории языков, должна быть выработана такая периодизация, которая опиралась бы не на случайно выхваченные внешние признаки, а на существенно важные, глубинные процессы в историческом развитии данного языка и которая, таким образом, правильно отражала бы его действительную историю. Работа над этими во-

⁹⁶ См. P. S g a l l, *Stalinovy práce o jazykovědě a pražský lingvistický strukturalismus*, «Tvorba», R. XX, č. 28, Praha, 1951, стр. 674—676; Fr. Tr á v n í ě k, *Strukturalismus — nepřítel naší jazykovědy*, «Tvorba», R. XX, č. 37, стр. 893—894; V. B a r n e t, «Tvorba», R. XX, č. 38 (на обложке); J. M u k a f o v s k ý, *Ke kritice strukturalismu v naší literární vědě*, «Tvorba», R. XX, č. 40, стр. 964—966; J. B ě l i ě, *Překonáním strukturalismu k marxistické jazykovědě*, «Tvorba», R. XX, č. 41, стр. 987—989; V. S k a l i ě k a, *Ke kritice strukturalismu*, «Tvorba», R. XX, č. 42, стр. 1011—1012; Fr. B u r i á n e k, *Poznámka k diskusi o strukturalismu v literární vědě*, «Tvorba», R. XX, č. 44, стр. 1059; Fr. Tr á v n í ě k, *Strukturalistická typologie jazyková*, «Tvorba», R. XX, č. 47, стр. 1125—1126; V. B a r n e t, *Ke kritice strukturalismu v naší jazykovědě*, «Tvorba», R. XX, č. 49, стр. 1177—1178; V. S k a l i ě k a, *Ke kritice t. zv. typologie jazyků*, «Tvorba», R. XX, č. 49 (на обложке); M. N o v á k, *Ke kritice strukturalismu v české estetice*, «Tvorba», R. XX, č. 52, стр. 1252. — Довольно подробно на дискуссию останапливается Н. А. Кондрашов (см. «Вопросы языкознания», 1952, № 4, стр. 109 и сл.).

⁹⁷ Нужно заметить, что большим недостатком является и то обстоятельство, что дискуссия совсем не касалась вопросов словацкой лингвистики, хотя в связи с вопросом о структурализме развитие словацкой лингвистики представляет особый интерес